

Таймасов Леонид Александрович

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПРАКТИКЕ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье на основе анализа литературы и архивных документов рассмотрено состояние православного миссионерства и политика самодержавия в Среднем Поволжье во второй половине XIX века. Показаны основные причины "отступнического движения" и влияния татар-мусульман на новокрещенные народы. Изучены миссионерско-просветительские меры утверждения православия в регионе и проанализированы место и роль исламского фактора в практике православного миссионерства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 179-182. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

FOREIGN POLICY GUIDELINES OF RUSSIAN LIBERALS

Naum Mikhailovich Sirota, Doctor in Political Science, Professor
Department of History and Political Science
St. Petersburg State University of Aerospace Instrument Engineering
sirotanm@mail.ru

The author analyzes liberal Russian political scientists' approaches to the question of Russia's place and role in modern international relations, considers their foreign policy priorities as the tool for the country modernization, the recommendations for the changes in its content and toolset expansion, shows the lack of alternative to Russia's European choice as the condition of its international status enhancing, which is defended by the liberals, and ascertains the paradigm proximity of the liberals' views to political idealism school in international relations theory.

Key words and phrases: globalization; national interests; world policy; power centre; polycentrism; world order; world system; modernization; sovereignty.

УДК 266.3

В статье на основе анализа литературы и архивных документов рассмотрено состояние православного миссионерства и политика самодержавия в Среднем Поволжье во второй половине XIX века. Показаны основные причины «отступнического движения» и влияния татар-мусульман на новокрещенные народы. Изучены миссионерско-просветительские меры утверждения православия в регионе и проанализированы место и роль исламского фактора в практике православного миссионерства.

Ключевые слова и фразы: православие; ислам; миссионерство; новокрещенные; народы Среднего Поволжья; самодержавие; межконфессиональные отношения.

Леонид Александрович Таймасов, д.и.н., доцент
Кафедра археологии, этнографии и региональной истории
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
talws84@mail.ru

**ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПРАКТИКЕ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.®**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Исследование современных этноконфессиональных процессов в полиэтнических регионах России в условиях глобализации на материалах Чувашской Республики»), проект № 12-11-21009а/В.

Среднее Поволжье - религиозный перекресток, где сошлись две мировые религии: христианство и ислам. До середины XVI в. в государственных образованиях Среднего Поволжья ислам являлся господствующей религией. После присоединения региона к России и формального утверждения православия в качестве государственной религии, московское правительство начало политику выдавливания ислама из региона. Потеряв статус официальной религии, ислам сильно демократизировался, не только сохранил, но и усилил влияние на народы Среднего Поволжья.

В истории всей многовековой истории утверждения православия в Среднем Поволжье исламский фактор являлся одним из основных стимуляторов активизации миссионерской работы. Проблемы взаимодействия православия и ислама в регионе получили освещение в работах отечественных и зарубежных ученых [4-5; 8-11; 17-18; 20-21; 25-26; 30-31; 34; 35]. В данной статье анализируется воздействие исламского фактора на православное миссионерство в Среднем Поволжье в период буржуазных преобразований во второй половине XIX века.

Российское самодержавие всегда стремилось осуществить русско-православную унификацию полиэтнического и поликонфессионального населения Среднего Поволжья. Борьба народов за сохранение этнической идентичности и культурной самобытности заставила Екатерину II издать указ о веротерпимости (1773 г.) [23, с. 775-776]. Однако российское законодательство запрещало православным переходить в иную веру, что создавало правовой барьер перед новокрещеными, желавшими исповедовать традиционную веру [24, с. 783-784]. Стремление большинства новокрещенных вернуться в ислам и язычество породило в конце XVIII – начале XX в. «отступническое движение», главную причину которого власти видели в исламском факторе [10; 13; 16].

Ислам в Среднем Поволжье был представлен в основном татарами. К середине XIX в. в результате политики христианизации татаро-мусульманский монолит был расколот на три конфессиональные группы: мусульман, старокрещенных и новокрещенных. Крещение татар началось еще в середине XVI в. За XVI-XVIII вв. удалось окрестить лишь незначительную их часть. Крещение происходило как бы в два этапа: XVI-XVII и особенно интенсивно в первой половине XVIII в., в годы деятельности Новокрещенской конторы (1741-1764 гг.).

За крещеными татарами первого этапа закрепилось название «старокрещенные», а крещеных в XVIII в. и последующего периода стали именовать «новокрещеными» [30, с. 115-120; 34, р. 111-139]. Более тесные экономические и культурно-бытовые взаимоотношения крещеных татар с мусульманами способствовали сохранению единого этнокультурного пространства и питали татарское «отступническое движение».

Значительное число отпадений крещеных татар в ислам происходило в 1860-1870-е гг. Например, по данным епархиального миссионера в 1871 г. из семи приходов Казанского уезда с крещенотатарским населением в православии оставались татары только Апазовского прихода. Миссионер писал: «Новокрещенные в этом уезде все отпали от православия, также довольно давно начали отпадать и старокрещенные» [10, с. 30]. К середине 70-х гг. XIX в. из 40000 крещеных татар Казанской епархии официально «отступниками» считались 12000 человек [Там же, с. 33]. Однако реальное их число было намного выше [15, с. 12].

Наибольшее число отпадений приходилось на крещеных татар. Многие миссионеры (Е. А. Малов, М. А. Машанов, Я. Д. Коблов и др.) считали, что шаткое их религиозное состояние во многом обусловлено влиянием на них простых мусульман и мулл [10-11; 13-17; 21]. Например, М. А. Машанов писал, что при всякой встрече мусульманин «излагал крещеному на его родном языке истины своей веры» [15, с. 7-9]. Крещеные татары имели не только больше контактов с мусульманами, нежели с православными русскими, но они воспринимали ислам как татарскую веру. Миссионер «главным фактором в деле упрочения ислама среди татар» считал мулл, пользовавшихся большим авторитетом среди татар [Там же].

Особое беспокойство властей вызывали случаи перехода в ислам чувашей, марийцев, удмуртов. Мусульманское влияние было характерно для этноконтактных селений и территорий, где происходили постоянные торгово-экономические, культурно-бытовые взаимодействия новокрещеных с мусульманами. Будучи более близкими к татарам по языку и культуре, нерусские народы быстро усваивали элементы ислама. Любому мусульманину мог доходчиво объяснить своему собеседнику основные заповеди ислама. Мусульманин превосходил крещеных соседей и по религиозным познаниям, и по убежденности в вере. Поэтому неудивительно, что он в беседах о Боге и вере, которые были нередкими при встречах с новокрещеными, неизменно одерживал верх. Мусульманин всегда имел авторитетную ссылку на Коран в подтверждение своих аргументов [Там же]. На язычников татары-мусульмане смотрели свысока и говорили с ними «тоном авторитета, не дающим места сомнению или возражению», а наиболее «богатых и видных» старались обратить в свою веру [14, с. 92-94]. В ходе торговых отношений татары-торговцы делали значительные денежные пожертвования ради «отступников». В источниках также встречаются сведения о том, что нередко в открываемых мусульманами предприятиях работали представители крещеных народов, многие из которых впоследствии «отпадали» в ислам.

М. А. Машанов писал, что «отступнику» было даже выгодно в материальном положении оставаться вне церкви, так как «материальное обеспечение духовенства, случайные денежные сборы на перестройку и починку церкви, - все это для слабого в вере отпадающего или совершенно отпавшего кажется обременительным и тяжелым, и он остается в своем отпадении, хотя в душе своей иногда совершенно индифферентно относится к христианству и мухаммеданству» [15, с. 8-9]. Как видно, православные миссионеры достаточно основательно изучили причины отпадения новокрещеных в ислам, но объясняли их внешними причинами, совершенно не учитывая внутреннего, духовного мира человека.

Одним из основных условий конфессионального воздействия ислама на новокрещеные народы региона являлись территориальная близость и смешанность проживания крещеных с мусульманами. Именно контактные зоны с исламским миром давали все случаи отпадения в ислам. Чуваша, марийцы, удмурты, живущие в соседстве или смешанно с татарами-мусульманами, знакомились с религией своих соседей не столько по критическим отзывам православных священнослужителей, а непосредственно через живое общение с татарами-мусульманами. До 1905 г. случаи перехода в ислам чувашей, марийцев, удмуртов становились предметом обстоятельного расследования высших церковных и правительственных инстанций. Например, в 1866 г. МВД и Св. Синод рассматривали дело о двух чувашских крестьянских семействах д. Сосновый враг Кузнецкого уезда Саратовской губернии, которые якобы бежали в Турцию для принятия мусульманства [28, д. 450, л. 22-23]. Многие крещеные долго скрывали свои истинные религиозные наклонности, как это можно заметить на примере чувашей деревень Старого и Нового Суркино Бугульминского уезда Самарской губернии, многие из которых, живя в окружении татар, испытали сильное мусульманское влияние, но только в 1905 г. открыто заявили о своем отпадении в ислам. Некоторые чуваша вместе с семьями переселились в татарские деревни, весь быт устраивали по-татарски. При разговорах о вере со своими сородичами заявляли, что разным киреметям, йерехам, духам не молятся, теперь у них татарская вера [19, № 5798, л. 375-376]. По определению миссионеров, принявшие ислам чуваша по своему «фанатизму» начинали превосходить своих учителей. В д. Старое Ганькино Бугурусланского уезда 58 человек «вышли в татары». Они жили вместе с крещеными в одной деревне, но разговаривали между собой и с односельчанами на татарском языке. Когда у них спрашивали: «Почему же вы не говорите на родном чувашском языке?», отвечали: «Мы же сейчас не чуваша. Нам, вышедшим в татары, следует жить по-татарски» [Там же]. Примеры перехода чувашей в ислам и анализ этого явления привела в своих исследованиях Е. А. Ягафова [31, с. 297-298; 32, с. 25-43].

«Отступников» обычно делили на две группы: индифферентных или колеблющихся и фанатичных приверженцев ислама. Если с первыми можно было вести разговор о возвращении в христианство, то вторые становились адептами мусульманской веры. Все убеждения приходского священника или миссионера здесь уже не действовали. «Фанатичные отступники», как отмечали миссионеры, становились яростными защитниками ислама [14-17; 21; 27].

Рост мусульманского влияния на окружающее новокрещеное и языческое население был обусловлен ростом татарского национального движения, в котором именно ислам выступал консолидирующей силой. Лидеры татар-мусульман (Ш. Марджани, К. Насыри, И. Гаспринский) в религии видели главное условие национальной идентификации [9, с. 175]. Важное значение в объединении татар-мусульман имело движение за обновление ислама – джадидизм, стремившийся к синтезу исламской культуры с новейшими технологиями, достижениями естествознания и западными прогрессивными идеями [3; 8-9; 12; 16; 34].

Рост исламского влияния в регионе заставлял правительство и церковь обратить особое внимание на активизацию православного миссионерства. Исламский фактор составил основу нового миссионерско-просветительского направления с использованием родного языка новокрещеных народов (система Н. И. Ильминского). В утвержденных 26 марта 1870 г. «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» стратегической целью являлось постепенное обрусение российских народов через утверждение их в православии [29, с. 1341-1395].

Об уровне исламского влияния на народы Среднего Поволжья свидетельствует статистика 1905 г., когда после провозглашения свободы вероисповедания тысячи чувашей, марийцев, удмуртов открыто перешли в ислам. Н. В. Никольский опубликовал подробные сведения о народах, подверженных влиянию ислама. Общая цифра «отпавших» в ислам оказалась весьма впечатляющей. Например, почти две тысячи чувашей перешли в ислам [21]. Хотя это не стало неожиданной новостью для православных миссионеров, но масштабы «отпадения» заставили провести чрезвычайные съезды духовенства, на которых вновь было заявлено об исламской угрозе, и рассматривался комплекс мер по утверждению крещеного нерусского населения в православной вере [16, с. 12]. Вслед за миссионерами некоторые исследователи склонны преувеличивать значение исламского фактора. Однако нельзя забывать, что принятие ислама неизбежно вело к отатариванию, поэтому этноидентичность выступала сдерживающим условием. Например, чуваш Ильтуха Тухтоманов из с. Ерилкино Бугурус-ланского уезда Самарской губернии, выражая мнение отпавших в ислам чувашей, говорил, что они не могут помириться с тем, что оставили свое национальное, чувашское и переняли татарское [19, № 5798, л. 391-392].

Находясь на христианско-исламском пограничье, нерусские народы региона испытали сильное воздействие двух мировых религий. В рассматриваемую эпоху мусульманское влияние, несмотря на противодействие государства и церкви, усилилось. Отпадение крещеных татар в ислам объясняется отсутствием знаний о христианской вере, экономическими, социальными и культурными проблемами, которые возникали в обыденной жизни новокрещеных в ходе межэтнических и внутриэтнических контактов. С ростом татарского национального движения ислам превращается в главное условие этнической идентификации татар. Для представителей других народов, принявших ислам, измена православию нередко выступала как форма протеста против экономического и духовного угнетения. Исламский фактор стал одним из основных стимуляторов активизации миссионерско-просветительской работы среди новокрещеных народов Среднего Поволжья.

Список литературы

1. Александров Г. А. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ин-та гуман. наук, 1997. 200 с.
2. Бобровников Н. А. Инородческое население Казанской губернии. Казань, 1898. 68 с.
3. Гаспринский И. Б. Россия и Восток: русское мусульманство: мысли, заметки, наблюдения. Казань, 1993. 132 с.
4. Грачев С. В. Геополитика и просвещение нерусских народов Поволжья (60-е гг. XIX - начало XX в.). Саранск: Изд-во Морд. гос. пед. ин-та, 2000. 178 с.
5. Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд., 1959. 408 с.
6. Ефимов Л. А. Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья в последней трети XIX - начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. пед. ун-та, 1999. 260 с.
7. Ильминский Н. И. Письма к Обер-Прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву. Казань, 1895. XI+414 с.
8. Ислам в истории и культуре татарского народа: сб. ст. Казань, 2000. 203 с.
9. Каппелер А. Россия как многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997. 212 с.
10. Коблов Я. Д. О состоянии миссионерского дела в Казанской епархии за 1903 г.: отчет епарх. противомус. и противоязыч. миссионера // Изв. по Каз. Епархии. 1904. № 43. С. 1459-1466; № 44. С. 1488-1493; № 46. С. 1545-1554.
11. Коблов Я. Д. О татаризации инородцев приволжского края. Казань, 1910. 27 с.
12. Коршунова О. Н. Взаимодействие культур народов Поволжья и Приуралья в новое время: исторический аспект. Чебоксары, 2000. 317 с.
13. Малов Е. А. История мусульманства в России. Казань, 1862. 226 с.
14. Малов Е. А. Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар. Казань, 1892. 462 с.
15. Машанов М. А. Материалы для истории православно-российского миссионерства. Казань, 1893-1895. Т. 3.
16. Машанов М. А. Религиозное состояние крещеных татар. Казань, 1910. 308 с.
17. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1551 по 1867 гг. М., 1880. 261 с.
18. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. 248 с.
19. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). Отд. 1. Ед. хр. 232.
20. Нафигов Р. И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. 446 с.
21. Никольский Н. В. Наиболее важные статистические сведения об инородцах восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Казань, 1912. LXXX+322 с.
22. О крещеных татарах: из миссионерского дневника. Казань, 1891. 58 с.
23. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Собрание I. Т. XIX. № 13996.

24. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи и указы Синода (1721-1872). СПб., 1872. Сер. III. Т. I.
25. Прокопьев К. П. Школьное просвещение инородцев Казанского края в XIX веке до введения просветительной системы Н. И. Ильминского. Казань, 1905. 13 с.
26. Родионов В. Г. Формирование этнического сознания чувашской творческой интеллигенции начала XX века. Чебоксары, 2010. 38 с.
27. Рождествен А. Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае. Казань, 1900. 93 с.
28. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 170.
29. Сборник постановлений по Министерству народного образования. СПб., 1876. Т. III.
30. Таймасов Л. А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX - начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 524 с.
31. Ягафова Е. А. Самарские чуваш. Самара, 1998. 369 с.
32. Ягафова Е. А. Чуваш-мусульмане в XVIII-XXI вв. Самара: ПГСГА, 2009. 128 с.
33. Яковлев И. Я. Моя жизнь: воспоминания. М.: Республика, 1997. 696 с.
34. Taimasov L. A. From «Kasan's Newly Converted» to «Orthodox Inorodsy»: the Historical Stages of the Middle Volga Region // Imperiology: from Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Slavic Research Center. Sapporo: Hokkaido University, 2007. P. 111-139.
35. Wert P. W. Subjects for Empire: Orthodox Mission and Imperial Governance in Russia's Volga-Kama Region, 1825-1881: dissertation / University of Michigan. Michigan, 1996. 354 p.

ISLAMIC FACTOR IN ORTHODOX MISSIONARY WORK PRACTICE IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY

Leonid Aleksandrovich Taimasov, Doctor in History, Associate Professor
Department of Archeology, Ethnography and Regional History
Chuvash State University named after I. N. Ul'yanov
malws84@mail.ru

The author considers Orthodox missionary work status and autocracy policy within Middle Volga region in the second half of the XIXth century basing on literature and archival documents analysis, shows the basic reasons of “apostate movement” and Muslim Tatars influence on newly baptized peoples, studies the missionary-educational measures of Orthodoxy consolidation in the region, and analyzes the Islamic factor role and place in Orthodox missionary work practice.

Key words and phrases: Orthodoxy; Islam; missionary work; newly baptized people; Middle Volga peoples; autocracy; inter-confessional relations.

УДК 94(3)

Статья представляет исследование аттического ритуала инициирования девочек – “arkteia” – и отражает современное состояние вопроса. На основе иконографических свидетельств, а также анализа фрагментов мраморных статуэток проводится реконструкция обрядов Бравронии. Кроме того, определяется смысловое значение “arkteia”. Автор акцентирует внимание на морфологическом сходстве мифов об Ифигении с мифами об основании “arkteia” и на связи этой группы мифов с культом Артемиды Бравронии. Проводится параллель между драматическим сюжетом и основным ритуальным образцом “arkteia”.

Ключевые слова и фразы: греческая религия; обряды перехода; инициация девочек; жертвоприношение; Ифигения; arkteia.

Ольга Николаевна Тихонова

*Кафедра всеобщей истории и дисциплин классического цикла
Нижегородский государственный педагогический университет
mirnigo@yandex.ru*

СОЦИАЛЬНАЯ СМЕРТЬ В ОБМЕН НА СПАСЕНИЕ ОТ СМЕРТИ ФИЗИЧЕСКОЙ: ОБРАЗ ИФИГЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ОБРЯДОВ ПЕРЕХОДА[©]

Образ Ифигении, образ многогранный и неоднозначный, сочетает в себе сразу несколько героических ролей: она – знаковый персонаж в одном из центральных циклов греческого мифа, героиня эпоса; она – принесенная в жертву невеста и жрица, приносящая в жертву людей, обладательница культовых почестей и основательница культа; в некоторых версиях мифа она – внучка Зевса, как дочь Елены (Paus. II.22.7), жена героя Троянской войны – Ахиллеса (Anton, Lib. Metamorph. XXVII.4), наконец, она – дева, перешагнувшая порог смертности (Apollod. Ep. III.22), и она же – богиня Геката (Paus. I.43.I). Эта многоликость героини обеспечивает нам широчайшее поле для исследования.